

Великороссия: жизненный путь.

Лев Лебедев (протоиерей)

Содержание:

Об авторе.

Вступление.

Глава 1. Начало.

Глава 2. Благословение Божие.

Глава 3. Усобица и татары.

Глава 4. Шведы. Немцы. Литва.

Глава 5. Возвышение Москвы. Святая Русь.

Глава 6. Создание Московского Царства. Великая Русь. Великороссия.

Глава 7. Третий Рим.

Глава 8. Великое искушение.

Глава 9. Затишье.

Глава 10. Великая Смута. Уроки смутного времени.

Глава 11. Новый Иерусалим.

Глава 12. Расколы. Раздоры.

Глава 13. Преддверие коренных изменений.

Глава 14. Империя. Духовная катастрофа.

Глава 15. Сопротивление.

Глава 16. Скорбная повесть о сыноубийстве. Конец первого императора.

Глава 17. Итоги и переходный момент.

Глава 18. XVIII-й век. "Бабые Царство". Начало.

Глава 19. "Революция" Екатерины II.

Глава 20. Начало большого поворота. Контрреволюция Павла I.

Глава 21. Святая Русь в Российской Империи в XVIII в.

Глава 22. Загадка русского "Сфинкса".

Глава 23. XIX век: Православие.

Глава 24. Самодержавие.

Глава 25. Народность.

Глава 26. "Бесы".

Глава 27. Великороссия на Фаворе.

Глава 28. Царь-Святой.

Глава 29. Россия при Николае II.

Глава 30. Борьба.

Глава 31. Измена, трусость и обман.

Глава 32. Последняя вершина.

Глава 33. Отречение.

Глава 34. Голгофа Великороссии.

Глава 35. Царство лжи.

Глава 36. Церковь и Советская власть. Патриарх Тихон.

Глава 37. Сергианский раскол и возникновение лжепатриархии.

Глава 38. Выращивание нового народа. "Совки".

Глава 39. Итоги войны. Разложение "совков".

Глава 40. Круги смыкаются.

Заключение.

Источники.

Обобщающие труды.

Работы по отдельным темам и проблемам.

Об авторе.

Протоиерей Лев Лебедев родился в 1935 году в городе Калуге. Окончил исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Московскую духовную семинарию. Святое Крещение принял в возрасте 27 лет, в 1962 году, в разгар "хрущевских" гонений на Православие. Работал в историческом музее, расположенном на территории Новоиерусалимского монастыря под Москвой, затем служил алтарником на приходах Крутицко-Коломенской епархии.

В 1968 году рукоположен в священный сан, с 1974 года служил в городе Курске. В 1990 году со своими духовными чадами присоединился к РПЦЗ, образовав Свято-Троицкую общину. Вскоре, трудами отца Льва, в Курске появились еще две общины РПЦЗ, одну из которых возглавляет его сын, священник Вячеслав Лебедев. С 1994 года отец Лев – член Верховного Совета Российского Имперского Союза-Ордена, в 1996 году избран духовным наставником объединения "Казачи Черноземья".

Со скорбной вестью о кончине отца Льва не может смириться сознание. Вновь и вновь хочется проверить – не слух ли это. Но весть об уходе от нас великого богослова и церковного мыслителя облетела уже почти все Русское Зарубежье. За истекшие с минуты смерти двое суток не осталось уже никаких сомнений в правдивости этой вест.

Можно ли заставить охваченный скорбью рассудок выразить то, кем был для нашей Церкви, для всех нас – русских православных христиан – новопреставленный отец Лев? Традиционные определения – великий богослов, талантливый мыслитель, глубокий церковный историк, пронизательный пастырь-духовник, ревнитель и защитник Истинного Православия – меркнут перед исключительным талантом отца Льва. Он сделался, по слову апостола Павла, "для всех всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых".

Многих из нас, чад Истинной Церкви в России, привел в ее спасительное лоно отец Лев. Кого-то – своими богомудрыми трудами (особое место среди них занимает статья "Почему я перешел в зарубежную часть Русской Православной Церкви?"), кого-то – своим исполненным любовью добрым сердцем, светом своей души, мягкостью и теплом, которые буквально излучал Батюшка.

Какими мелкими и несуразными казались выдвигавшиеся против него житейские "обвинения", когда доводилось оказаться рядом с ним. Могли ли эти упреки иметь какое-то значение, когда Сам Дух Божий говорил с нами устами отца Льва?

Отец Лев являл собой редкое, исключительное для нашего времени сочетание мощного и ясного рассудка с доброй открытостью, любовью и простотой. С одной стороны - он автор многочисленных научных работ по богословию и истории Церкви: "Крещение Руси", "Патриарх Никон", "Москва патриаршая", "Заметки по пастырскому богословию", "Великороссия: жизненный путь", "Колумбы русские", "Экология, или Как покатасться на драконе" и т.д. С другой – смиренный и мудрый пастырь, к которому приезжали за советом, наставлением и утешением христиане со всей России. Отец Лев не делал различий между своими гостями и чадами: каждому он отдавал всего себя, все свое время, опыт и знания. Ему была совершенно чужда кичливость, высокомерное отношение к простым, "неученым" людям, к "неофитам", что так часто можно видеть у "ученых богословов".

Батюшка был необыкновенно, как-то даже сверхъестественно отзывчивым человеком. Он вел обширную переписку, оперативно и неформально отвечая каждому своему корреспонденту. Он отзывался на все тревожные события в жизни нашей Церкви,

поддерживая и ободряя страждущих и гонимых за веру православную. Он бдительно следил за происходящим в мире, давая мудрую и глубоко православную оценку всему, что происходит в Церкви, обществе и государстве. Трудно найти тему, которую он не затрагивал бы в своих многочисленных статьях: наука, техника, экология, политика, история, филология, философия, медицина... Казалось, отец Лев может ответить на любой вопрос. Человек с подобным энциклопедическим кругозором и, вместе с тем, твердо православными, традиционными взглядами, – уникальное явление для нашего времени.

Прекрасно ориентируясь в современном мире, энергично реагируя на все, что в нем происходит, отец Лев, тем не менее, оставался человеком другой эпохи. Его образ, характер, манера поведения, речь, – все напоминало пастырей старой России, каких сейчас и за рубежом, в эмиграции, уже не" сыскать. Отец Лев жил Святой Русью и в Святой Руси, его идеалом и предметом духовных устремлений был Иерусалим Новый, икону которого на земле так трепетно и терпеливо созидали наши благочестивые предки. Мысль отца Льва-историка постоянно уносилась в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь под Москвой, ставший как бы культурно-философским итогом эпохи Святой Руси. Время Патриарха Никона, весьма почитаемого Батюшкой, он считал переломным в истории России. Достигнув своего высшего духовного расцвета, она ушла вместе с Патриархом Никоном в Новый Иерусалим, запечатлев своей небоявленнй зрак в истории, обращаясь к которой и мы, люди конца XX века, можем приобщиться к Святой Руси.

Мудрость и пронизательность отца Льва привлекали к нему многих "сильных мира сего". Он постоянно участвовал в научных конференциях, близко общался со многими иерархами и богословами Московской патриархии. После присоединения отца Льва к РПЦЗ в 1990 году, у него стали нередко бывать Епископы и священнослужители нашей Церкви. В скромном доме Батюшки на 2-й Кожевенной улице в Курске почти постоянно кто-то гостил. Часто одной беседы с отцом Львом хватало для разрешения сложнейших церковных проблем.

Первоиерарх нашей Церкви, Высокопреосвященнейший Митрополит ВИТАЛИЙ высоко ценил отца Льва. Накануне судьбоносного для нашей Церкви Архиерейского Собора, на котором будет решаться вопрос – сойдет ли РПЦЗ со своего исповеднического пути ради призрачного единства с отступнической Московской патриархией или останется верна своему промыслительному историческому призванию, – Владыка ВИТАЛИЙ пригласил отца Льва в США для участия в работе Собора. Владыка Митрополит, вокруг которого сплетается коварный заговор, очень рассчитывал на поддержку своего верного протоиерея. Отец Лев немедленно поспешил на зов Владыки и, отслужив в Неделю Фомину, 26 апреля, свою последнюю Божественную Литургию в московском храме святых Царственных мучеников, вылетел в Нью-Йорк. Здесь, в Синодальном доме, за пять дней до начала Архиерейского Собора, он отошел ко Господу.

Скоропостижная и внезапная кончина протоиерея Льва Лебедева, причина которой еще не установлена, встала в один ряд с тяжелыми, трагичными испытаниями, постигшими нашу Церковь за прошедший год. РПЦЗ лишилась протоиерея Александра Жаркова (мученически погиб 1/14 сентября) и брата Иосифа Муньоса (мученически погиб 18/31 октября), враги Церкви отобрали Свято-Троицкий монастырь в Хевроне и сожгли Свято-Николаевский собор в Монреале. Казалось, чаша страданий верных чад Церкви и их старца-Первосвятителя уже исполнилась. Однако, буквально накануне Собора последовало новое тяжелое испытание. Невольно вспоминается образ ветхозаветного праведника-святого Иова Многострадального. Не превосходит ли все происшедшее меру скорбей и страданий, которую способен понести человек? Ответ на этот вопрос знает

Господь. Нам же понятно, что все эти зловещие предзнаменования означают: наша Церковь стоит на пороге чего-то страшного и катастрофического. Чего именно? Ответ на этот вопрос может дать ближайший Архиерейский Собор.

Мы же вновь и вновь обратимся к светлому лику почившего протоиерея Льва Лебедева, будем вновь и вновь учиться Истине из его творений, вновь и вновь утешаться воспоминаниями о его любви. Последним творением отца Льва стала статья "Диалог РПЦЗ с МП: для чего и как?" Это – его духовное завещание нам, оставшимся в юдоли страданий. "Ныне РПЦЗ – не часть, а единственная законная Русская Православная Церковь во всей полноте! – писал Батюшка, – РПЦЗ естественным образом хранит и продолжает собой все то, что искони содержалось на Руси Православной Церковью до 1917-го и даже до 1927 года. Диалог РПЦЗ с МП ведется, начиная с 1927 года, постоянно, не прекращаясь ни на один день! И в отличие от диалога Владыки Марка, этот диалог настоящий, со стороны РПЦЗ проникнут подлинной любовью и не содержит никакой игры в "равноправие". В бесчисленных книгах, статьях, проповедях, письмах РПЦЗ призывала и продолжает по сей день призывать МП по-настоящему покаяться перед Богом и собственным церковным народом в грехе сергианского отступничества (и прекратить его), в экуменической ереси, призывает, очистившись таким покаянием, присоединиться к прославлению святых Новомучеников и исповедников Российских, и только после всего этого – подумать о созыве общего Всероссийского Собора Церкви..."

...Принесем же отцу Льву нашу молитвенную дань, воспоем ему пасхальную надгробную песнь, которая, как мы непоколебимо веруем, уже отзывается на Небесах словами Христа Спасителя, Которому отдал себя без остатка отец Лев: "Прииди, благословенный Отца моего, наследуй Царство, уготованное тебе от века!"

Александр Солдатов, 1 мая 1998 г.

Глава 37. Сергианский раскол и возникновение лжепатриархии

После кончины Святейшего Тихона был обнародован его указ от 25 декабря 1924 г. / 7 января 1925 г. о том, что в случае его смерти «патриаршие права и обязанности», впредь до соборного избрания нового Патриарха, возлагаются на Митрополита Казанского Кирилла (Смирнова); в случае же невозможности для него «по каким-либо обстоятельствам» приступить к их исполнению, таковые права переходят к Митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), а если и он не сможет, то – к Митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому).

Собор архиереев (60 человек), съехавшийся на похороны Патриарха, определил ввиду невозможности вступить в выполнение таких обязанностей ни Кириллу, ни Агафангелу, поручить их исполнение Митрополиту Петру. Он становился Местоблюстителем Патриаршего Престола. Через четыре месяца он был арестован. За четыре дня до ареста Владыка Пётр успел распорядиться о нескольких заместителях Местоблюстителя (на случай своего ареста). Таковыми, в порядке очерёдности становились: митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), митрополит Михаил (Ермаков), Экзарх Украины, и архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых). При любом заместителе распоряжение Митрополита Петра устанавливало обязательность возношения его имени как «Патриаршего Местоблюстителя». Это очень важный момент. Богослужебным возношением в положенных местах имени своего Главы Церковь выражает своё духовно-таинственное и внешнее единство, связанное персонально с определённым

Первоиерархом. Таковым становился только Местоблюститель (в данном случае – Владыка Пётр), но никак никто из заместителей Местоблюстителя.

Большевики прекрасно поняли, как хорошо обеспечивается преемственность законной власти в Церкви всей этой цепочкой Местоблюстителей и заместителей. И начали одного за другим сажать в тюрьму или отправлять в ссылки. Ввиду этого архиепископ (затем – Митрополит С.-Петербургский) Иосиф (Петровых) назначил себе заместителями ещё трёх архиереев и ещё шестерых ... Стало ясно, что с этой цепочкой ничего не поделаешь. Нужно было найти в ней «слабое звено». Тучков буквально метался по этой цепочке, пытаясь «обрабатывать» всех, особенно самых главных, всем предлагая одно и то же: издать «послание», вроде «Завещательного» с полным одобрением советской власти, обязаться исключать из клира тех епископов и священнослужителей, которые не угодны советской власти (т.е. НКВД) и заочно судить зарубежных епископов, обличающих большевизм и его гонение на Церковь. Взамен обещалось сделать архиерея Главой Церкви. Митрополит Агафангел решительно отказался от такого предложения.

Митрополит Кирилл, как рассказывают, ответил Тучкову; «Вы – не пушка, а я Вам – не ядро, чтобы Вы мною расстреливали Русскую Православную Церковь». Обоих не допустили до исполнения обязанностей Местоблюстителя. Владыка Агафангел, ненадолго вышедший из ссылки с совершенно подорванным там здоровьем, умер в 1928 г. Владыка Кирилл из ссылок так и не вернулся, и был расстрелян в 1937 г. Отказались от предложений Тучкова и все остальные. Кроме одного...

После ареста Митрополита Петра 10 декабря 1925 г. в управление церковными делами вступил его первый заместитель митрополит Сергей (Страгородский). В этом качестве он находился на свободе почти год, до 13 декабря 1926 г. Затем он был также арестован. В исполнение его обязанностей вступил архиепископ Серафим (Самойлович). Но 7/20 марта 1927 г. Сергей неожиданно был выпущен из тюрьмы и вновь принял на себя обязанности заместителя Местоблюстителя.

В этот первый, до ареста, период своего заместительства митрополит Сергей продолжал ту церковную линию в отношении советской власти и зарубежной части Русской Церкви, которая определилась Патриархом Тихоном, и сам считал себя преемником именно такой, патриаршей, линии. В это время, в 1926 г. особенно обострились отношения между Архиерейским Синодом РПЦЗ и митрополитом Евлогием, управляющим Западноевропейскими приходами Русской Церкви. В основе конфликта была обычная человеческая гордость и властолюбие: Евлогий, поначалу признавший над собою власть Синода РПЦЗ, опирающуюся на указ 362 от 1920 г. затем решил, что ему выгодней быть самостоятельным владыкой. Тогда он лукаво использовал указ Патриарха Тихона 1922 г. об упразднении зарубежного ВЦУ, хотя отлично знал, что указ – вынужденный, несвободный. Выйдя из подчинения Синоду, он стал искать возможности подчиниться непосредственно митрополиту Сергию. Получив сведения об этих разногласиях, митрополит Сергей написал зарубежным русским епископам искреннее письмо от 12 сентября 1926 г. «Дорогие мои Святители, – говорилось в письме, – Вы просите меня быть судьёю в деле, которого я совершенно не знаю. Не знаю, из кого состоит Ваш Синод и Собор... Не знаю я и предмета разногласий между Синодом и митрополитом Евлогием. ...Может ли вообще Московская Патриархия быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между ними фактически нет отношений (т.е. между Патриархией и эмиграцией – прот. Л.)? Мне думается, что польза самого церковного дела требует, чтобы Вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, ... не прибегая к нашей поддержке..., или же ... (вам нужно) подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например, в

Сербии – Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной православной церкви, которая Вас приютила. ...Желаю всех Вас обнять, лично с Вами побеседовать. Но, видно, это возможно для нас лишь вне условий земной нашей...жизни. ...Господь да поможет Вам нести крест изгнания и да сохранит Вас от всяких бед. О Христе преданный и братски любящий Митрополит Сергей» (выделено мной – прот. Л.).

Как видим, у Сергея нет никакого принципиального несогласия или возражения против независимого от Москвы самостоятельного бытия Синода и Собора РПЦЗ; есть лишь братские рассуждения, как лучше управляться в церковных делах русским православным людям, несущим крест изгнанничества. Нет ни намёка на то, чтобы русская эмиграция (или её епископы) признали и одобрили советскую власть, поскольку (!) сам Сергей, по-видимому, не ждёт от неё ничего, кроме смерти, что с грустью выражено в письме!

Но всё мгновенно и резко изменилось, когда затем в тюрьме советская власть предложила Сергию – жизнь и притом жизнь со властью в церковных делах! Условия нам уже известны.

20 марта 1927 г. митрополит Сергей вышел из тюрьмы, ему было разрешено жить в Москве (что раньше запрещалось), в то время, как полным ходом шли аресты и высылки большинства русских епископов. И 16/29 июля 1927 г. появилось печально знаменитое официальное «Послание» митрополита Сергея, известное более под названием «Декларации».

«Приступив, с благословения Божия, к нашей синодальной работе, – говорилось в Декларации, – мы ясно сознаем, (что)... нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его (которых Сергей, таким образом, объединяет в одну компанию с изменниками, – прот. Л.)... Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз (заметим, – не в Россию, а в «Союз» – прот. Л.), будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие, или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому (!), сознается нами, как удар, направленный в нас (т.е. в Православную Церковь!.. – прот. Л.) ... Мы помним свой долг (?) быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учит нас Апостол» (Рим. 13.5.)

Потом мы рассмотрим, как и чему на самом деле учит Апостол.

«Декларация» на этом не останавливается. «Особенную остроту», – говорится в ней, – при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярко противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (22 апреля / 5 мая 1922 г.»).

Сергий говорит сущую правду, что не духовно-каноническими, а только политическими причинами был вызван указ 1922 г.! Почему он и может быть проигнорирован Церковью. Однако сознательно допускается неточность: указ относился к ВЦУ, а не к Синоду, указу Зарубежная Церковь всё же подчинилась, почему и создала Синод вместо ВЦУ.

Далее в «Декларации» говорится: «Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими (?) притязаниями на власть – даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное (!) обязательство в полной(!) лояльности к Советскому Правительству во всей (!) своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской власти, чтобы не порывать с родной Церковью (!?) и родиной» (– какой?! – прот. Л. – Выделено везде нами).

«Декларацию», кроме Сергия, подписали члены созданного совместно с НКВД, без согласия епископата, т.е. незаконным путём, «Синода» Патриархии: Серафим (Александров) митрополит Тверской – известный как прямой агент НКВД; Сильвестр (Братановский) архиепископ Вологодский – бывший «обновленец»; Алексей (Симанский), архиепископ Хутынский – тоже, как Сергей и Сильвестр, метнувшийся в «обновленчество» и вновь оттуда через «покаяние» пришедший к Патриархии; Анатолий, архиепископ Самарский; Павел, архиепископ Звенигородский, управляющий Псковской епархии, пришедший из старообрядческой секты «беглопоповцев»; Константин, епископ Сумской, управляющий Харьковской епархией; Сергей, епископ Серпуховской. Всего – девять человек.

Против «Декларации» Сергия, а ещё ранее и против такого «синода» выступило подавляющее большинство (многие десятки!) архиереев, находившихся в России (не за границей), но, в основном, конечно, – в тюрьмах, лагерях или ссылках. «Синод» Сергия сперва назывался «временным» и «при заместителе Патриаршего Местоблюстителя». Но скоро стал постоянным. И сам Сергей, узурпируя церковную власть с помощью НКВД, из «заместителя» незаконно становился «Главой» Патриархии. Сначала, ещё до своего ареста, он отказывался подчиняться Митрополиту Петру, как находящемуся в ссылке и не могущему якобы поэтому давать никаких распоряжений, и даже пригрозил ему церковным судом, если он осмелится распоряжаться, затем присвоил себе титул «Блаженнейшего Митрополита Московского» в 1934 г., что делало его, заместителя, выше того, кого он замещал. В то же время Русская Зарубежная Церковь продолжала почитать Митрополита Петра как Патриаршего Местоблюстителя и считать себя в канонической подведомственности ему. Её Архиерейский Собор и Синод официально обличили в ряде документов антиканоничность действий Сергия. Так же определял их и первый из кандидатов в Местоблюстители – Митрополит Казанский Кирилл. За это Сергей незаконно наложил «запрещение» на Кирилла, на что он не имел права, и пытался опорочить святителя-мученика. Наконец, Господь предоставил Сергию ещё один (и последний) случай сделать чрезвычайной важности духовный выбор. В 1935 г. заканчивался срок ссылки законного Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Петра, которому Сергей обязан был передать управление Церковью. Владыку Петра ещё с 1926 г. чекисты уговаривали или принять известные их условия, или отказаться от звания Местоблюстителя; эти уговоры стали особо настойчивыми после «Декларации» 1927 г., успеха не имели: Пётр твёрдо стоял на своих правах. Теперь, в 1935 г., митрополит Сергей естественно должен был передать ему дела. Всё теперь зависело от того, как и что выберет Сергей. Сергей выбрал. Он написал письмо в НКВД (текст его не так давно передали по телевидению), в котором говорил, что в случае передачи управления в руки Митрополита Петра «рухнет здание (сотрудничества Церкви с советской властью), которое с таким трудом (!) созидалось». Предложение было понято и принято. Митрополита Петра через несколько дней арестовали, отправили в новое

заточение в г. Магнитогорске, где 10 октября 1937 г. он был расстрелян. Есть основательные данные о том, что Владыка Пётр даже возвращался из ссылки, жил в Коломне и приезжал к Сергию в Москву, чтобы принять дела. По Сергий дел не передал, и написал то самое письмо в НКВД. В любом случае, через труп, через кровь своего собрата и начальника, в которой Сергий стал в определённой мере повинен, он, Сергий, сделался сперва «Местоблюстителем» Патриаршего Престола, а затем, в 1944 г., всего на несколько месяцев – «Патриархом Московским и всея Руси». Таким образом, не Русская Зарубежная Церковь «откололась», «отделилась» от законной власти Московской Патриархии, а от этой законной и подлинной власти Московской Патриархии откололся митрополит Сергий и единодушное с ним предательское окружение, создавшие такое управление («Синод»), которое с полным основанием нужно назвать лжепатриархией. «Патриархия» – Оборотень? Именно так! И это пока только – с чисто канонической стороны. А теперь вернёмся к «Декларации», чтобы посмотреть, что произошло со стороны идейной, духовной и нравственной.

Сперва отметим, что Сергий не случайно оказался тем «слабым звеном» в цепи российских епископов, которое нащупали большевики. Мы уже знаем некоторые показательные вехи его жизненного пути. Человек очень образованный и в богословском, и в мирском отношении, и почитавшийся поэтому авторитетным, человек умный («мудрый Сергий», как его тогда называли), он в то же время всегда был неустойчивым в исповедании истины, т.е. человеком маловерным («неверным»). И всё для того, чтобы быть на виду и иметь поддержку сильных мира сего. Поэтому он в решающий момент, в тюрьме, оказался ещё и «боязливым». Всё вместе привело к тому, что он стал ещё и «лжецом». Это могло бы остаться в основном его личной духовной катастрофой, если бы он не увлёк в неё всю созданную им лжепатриархию, которая основывается сознательно на его лживости, как на камне, даже до сего дня!

«Декларация» митрополита Сергия 1927 г., как видим, явилась отступлением за ту границу, на которой твёрдо остановился Патриарх Тихон (– «не враг, но и не друг») и за которую отступать было нельзя ни при каких обстоятельствах. Отступление означало полный провал в чудовищную бездну неправды.

Опускаясь до недостойного политиканства, Сергий и его синод в «Декларации» ставят условием принадлежности людей к церкви и даже – к Родине их политические взгляды, их политическое признание советской власти! Не говоря уже о том, что это абсолютно антиканонично, обратим внимание на главное. «Советская власть» – откровенно (!) антихристова, то есть не скрывает, а даже всенародно заявляет о своей непримиримой антихристианской направленности! Тогда получается, что в Церкви Христовой может пребывать только тот, кто становится другом антихристу (или антихристам)!.. Сама же Русская Православная Церковь, по Сергию, может быть таковой только в полном духовном, братском (не за страх, а за совесть!) единстве с откровенно антирусскими, антиправославными, антицерковными властителями, («радости и успехи которых – наши радости и успехи»...)! И напротив, те, кто не желает добровольно подписаться под преданностью сатанинскому режиму, становятся врагами Христу и Его Церкви!

Всё – наизнанку, как бы шиворот-навыворот, всё извращается до жути, до полной перестановки понятий и ориентиров! Даже от самых безпринципных или аполитичных священнослужителей можно было ожидать чего угодно, только не этого!

Московская «патриархия» делалась церковью-Оборотнем и в идейно-духовном отношении.

Этого и добивались Обратни-большевики! В «Декларации» есть два слова, служащие как бы знаком, символом, очень точно продуманным намёком (паролем) для большевиков, указывающим им, что Сергей и его Синод провозглашают не формальное (лишь бы отвязались!) притворное одобрение их режима, а действительное единение с ним в чём-то сапом глубинном и существенном. Когда «декларация», якобы от лица Церкви, заявляет о полном совпадении радостей, успехов и неудач советской власти и Церкви, то она поясняет, какие именно «неудачи» имеются в виду: «война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие, или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому». Вот эти два последних слова и есть своего рода «пароль». В 1927г. в Варшаве молодым русским патриотом Борисом Ковердой был убит из револьвера очень крупный большевик-дипломат Пётр Войков (он же – Пинхус Лазаревич Вайнер) за то, что, как мы знаем, явился одним из главных организаторов убийства Царской Семьи! Митрополит Сергей и его единомышленники тем самым недвусмысленно давали понять большевикам, что едины с ними через одобрение и этого главного преступления – кровавой расправы над Царской Семьёй...

А ведь речь шла о «родине» (!), «неудачи которой – наши неудачи», и варшавское убийство поставлено в качестве примера такой «неудачи» и даже названо «ударом в нас», т.е. – в верующих, в Церковь!.. Тогда что же это за «церковь» и что же это за «родина»? Последнее понятие извращено, вывернуто наизнанку, в «Декларации» так же, как понятие «церкви». Сергей употребляет любопытный термин, «гражданская родина» (нечто новое!) и называет её не Россией, а «Советским Союзом», то есть тем политическим государственным образованием, которое создано на географической территории России взамен Российской Империи, или Православного Самодержавного Царства. Значит, речь идёт не о том духовно-национальном понятии «Родина» (Отечество), какое всегда употреблялось россиянами, а исключительно о политическом режиме большевиков. Поэтому Сергей требует подписки (!) в лояльности не России, не Русскому Народу (кто бы отказался!), а «Советскому Правительству, тем самым сужая понятие «родины» ещё более, до понятия «правительство».

Таким образом, как бы от лица Церкви поддерживается в самом формировании своём то, что насаждалось большевиками, – «советский патриотизм». Это не любовь к России и коренным ценностям её исторического бытия, а ложная любовь к своему «социалистическому отечеству», гордость «за нашу советскую родину» (о чём мы ещё будем говорить в нужном месте).

Требование к зарубежному русскому духовенству о подписке в лояльности советскому правительству абсурдно и с канонической, и с юридической точек зрения. Святые каноны никогда не предусматривали для членов Церкви, живущих в одном государстве, обязательств преданности другому государству... Международное право также не знает ничего подобного. Русские, оказавшиеся в разных странах за границей, и во множестве принявшие гражданство этих стран, не могли и не имели права давать подписку в лояльности какой-либо иной стране, в том числе и Советскому Союзу.

«Декларация» утверждает, что все эти выверты и неправды нужны для того, чтобы иметь в Советском Союзе «не только каноническое, но и по гражданским законам, вполне легальное центральное управление» с надеждой, «что легализация постепенно распространится и на низшее наше управление; епархиальное, уездное и т.д.». Нужно сказать, что по советским законам регистрировались только церковные общины, состоящие из 20 человек («двадцатки»), заключающие с государством в лице местных органов «договор на пользование храмом». А для высших инстанций церковной власти

вплоть до Патриархии регистрации не предусматривалось и они существовали на птичьих правах», завися целиком от отношения к себе большевицких правителей. «Легализация», о которой говорит Сергей, не означала законодательного определения статуса центрального церковного управления (оно даже не получало права юридического лица), а только то, что большевицкий режим, по милости своей, разрешает такому управлению вообще существовать, на определённых условиях – полного подчинения этого управления управлению большевицкому и более того – полного единения церковной власти с большевицкой в главном – в уничтожении Русского Народа, его веры и Церкви! Поэтому в качестве негласного приложения к «Декларации» явилось согласие Сергия и его лжепатриархии на знакомое нам условие – церковными средствами карать то духовенство и верующих, которые не угодны большевицкому режиму, и допускать к служению в Церкви только тех, которые ему угодны или до времени не вызывают возражений. Это «свято» соблюдается даже до сего дня, хотя большевицкого режима формально уже нет!..

«Декларация» почти не скрывает, что идёт на такое единение с режимом потому, что он утвердился. Но в этом важнейшем пункте группировка отщепенцев снова прибегает к поразительной лживости, снова всё извращается. «Советская власть» неопределённо оценивается как «не случайное» явление, как «действие десницы Божией», и говорится, что только антисоветское настроение «определённых церковных кругов» «навлекало подозрения Советской власти», мешало ещё Патриарху Тихону «установить мирные отношения Церкви с Советским Правительством», и что теперь «Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, становится на путь лояльности...» Всё дело подаётся как просто нормализация отношений с гражданской властью, с государством! Поэтому легко подтасовываются ссылки на Священное Писание (послания Ап. Павла). Во-первых, «на путь лояльности» давно стал Патриарх Тихон. То, что сделал Сергей и его самочинный «синод», было уже не простой гражданской лояльностью, а братанием, духовным единением с антихристовым режимом, «радости и успехи которого – наши радости и успехи...» Во-вторых, толкование апостольских слов в «Декларации» коренным образом искажено. В Послании к Римлянам (гл. 13) Апостол Павел пишет о гражданских властях как «от Бога установленных», где «начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» и где «начальник есть Божий слуга, ... отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не из страха наказания, но и по совести» (Рим 13.1-5). Советская власть полностью противоречила такому назначению и Божью определению о гражданской власти, на что указывал Патриарх Тихон, ссылаясь на это же место апостольского Послания. Она стала страшна как раз для добрых дел, а не для злых, и «начальствующий» в ней был откровенный Божий противник!

Всё в мире устанавливается и совершается по Промыслу Божию, во всём Его «десница». Но если для Собора в Сремских Карловцах большевицкая власть – это «карающая десница», то для Сергия и его «синода» – это десница благословляющая. Очевидное поущение Божие сергианами представляется как Божие благоволение. Нужно поэтому выяснить, как вообще Церковь Христова искони относилась к проблеме отношений с мирской властью в свете апостольских посланий?

Святые отцы и учителя Церкви давно, в IV в. по Р.Х., вполне разъяснили этот вопрос. Иоанн Златоуст указывал, что Ап. Павел говорит о самом принципе власти, как Божиим установлении, но вовсе не о том, чтобы каждый конкретный властитель был благословляем Богом. Исидор Пелусиот (ученик Златоуста), повторяя мысли учителя, пишет: «...Поелику равночестность по обыкновению разжигает часто войну, то Бог не попустил быть народоправлению, но установил царскую власть, а потом за нею и многие начальства»... «Потому вправе мы сказать, что самое дело, разумею власть, сиречь начальство, и власть царская установлены Богом. Но если какой злодей беззаконно

восхитил сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему...» Блаженный Августин говорит: «Ежели власть приказывает нечто противное Божественной воле – не слушайте власти (!). Нам сказано: несть власти нежели от Бога; однако часто забывают, что следует после этого, а именно: что всё, исходящее от Бога, хорошо устроено, так дайте нам власть хорошо устроенную, и мы не будем сопротивляться». В этих словах по смыслу почти то же самое, что говорили преп. Иосиф Волоцкий, Максим Грек, Патриарх Никон, что всегда имели в сознании все подлинно православные русские люди.

Сергий и члены его «синода» были отлично образованы и, конечно, знали подлинное учение Церкви о гражданской власти. Значит они сознательно лгали. Для чего? Чтобы «тихо и безмятежно» жить. В том месте, где «Декларация» ссылается на эти слова Апостола, Сергий и его единомышленники невольно проговариваются относительно своего настоящего мировосприятия. Говоря о необходимости «мирных отношений Церкви с Советским Правительством», «Декларация» сразу добавляет: «Недаром ведь Апостол внушает нам (кому – нам?!), что «тихо и безмятежно жить» по своему благочестию мы можем, лишь повинаясь законной власти (1 Тим. 2.2)». Итак, по Сергию, получается, что Апостол чуть ли не главной целью христианской жизни, бытия Церкви ставит «тихое и безмятежное» существование в «мире сем» любой ценой! Речь у Апостола идёт о том, чтобы молиться «за царей и всех начальствующих», то есть желать им спасения и относиться к ним доброжелательно, дабы со стороны этих властей не иметь напрасных гонений. В контексте всего, что говорится в Посланиях апостолов по этому поводу, данные слова означают только то, чтобы христиане не становились преступниками или противниками власти (без достаточных причин) и не страдали бы от власти как злодеи, если же приходится им пострадать, как христианам, то нужно радоваться о таких страданиях, а не искать «тихости и безмятежия». «Возлюбленные! – восклицает Апостол Пётр, – Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь... Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете... Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, как вор, или злодей, или посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись и прославляй Бога за такую участь» (1 Петр. 4, 12-16).

Такой участи и сподобилась в целом Православная Церковь в России, прославлявшая Бога за свои страдания и смерть, как это делали митрополиты Вениамин. 18 московских священников, осуждённых на расстрел, Патриарх Тихон и несчётное множество иных!

Вопреки всему слову Божию, вопреки самой вере во Христа «сергиане» главной целью своего существования полагали бегство от страданий за веру и правду, бегство от «огненного искушения»! Они потом постоянно ввали, что думали о «спасении Церкви». Но Церковь страданиями как раз и спасается! А губится – боязнь их. Однако в «Декларации» определённо указывается, что речь идёт не о всей Церкви, а только о центральном и местном её управлении! Вот где правда. Члены такого управления, поставляемые в согласии с большевицким режимом, то есть по его согласию (а чаще – просто приказанию), и должны были получить «тихое и безмятежное житие» в то самое время и в той самой обстановке, когда на их глазах и даже с их участием большевицкий режим продолжал физическое уничтожение верующих и Церкви, чудовищные глумления и кощунства над её святынями и достоянием! Употребление слов Священного Писания для самооправдания в извращённом толковании этих слов, как это делал диавол искушая Христа в пустыне, становится с тех пор правилом жизни иерархии и духовенства Московской «патриархии». Так что и в этом отношении, то есть в сознательной лживости, оборотничестве (говорить одно, а делать другое) лжепатриархия уподобилась сразу же тем, с кем она духовно браталась и объединялась.

Есть у Апостола Павла такие слова: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными; ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром (сатаной – прот. Л.)? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместимость храма Божия с идолами?» (2 Кор.6,14-16). Вопреки этим определённым и ясным словам «Декларация» как бы утверждала: нет, согласие, совместимость, соучастие света с тьмой, Христа с Велиаром, верного с неверным возможны и даже обязательны!

В октябре 1927 г. епископ Ижевский Виктор (Островидов) написал по поводу «Декларации» (Послания) Сергия так: «... От начала до конца оно исполнено тяжёлой неправды и есть возмущающее душу верующих глумление над Святой Православной Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию. А через предательство Церкви Христовой на поругание «внешним» оно есть прискорбное отречение от Самого господина Спасителя. Сей же грех, как свидетельствует слово Божие, не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели...».

Действительно, сразу после распространения по всем приходам России текста «Декларации» митрополит Сергей лично и члены его «управления» стали заявлять властям обо всех, не приемлющих этой «Декларации», и власти обрушивали на них всю ярость своих репрессий! Теперь уже не только по вине «обновленцев», но по вине сергианской «патриархии» полилась кровь множества новых мучеников – епископов, священников, монахов и мирян. А «патриархия» на весь мир утверждала, что в Советском Союзе нет никаких гонений на веру и верующих! А если советская власть осуждает кого-либо из верующих, то не за Веру, а только за политические преступления, за «антисоветскую деятельность». При этом «патриархия» не переставала «всенародно выражать благодарность Советскому Правительству за его внимание к нуждам православного населения, как это было сказано ещё в той же «Декларации»... Это была ещё и клевета на святых мучеников Христовых, значительная часть которых становилась мучениками именно по доносам «патриархии»...

«Внимание» же советской власти к нуждам православного населения выражалось так. В 1930 г. редактор «Правды» Б. Ярославский (Губельман) выступил со статьёй, в которой призывал «превратить пятилетку промышленного развития в пятилетку полного уничтожения религии». «Пятилетка» превратилась в «десятилетку». Из 1253 монастырей (вместе с подворьями, архиерейскими домами и скитами) имевшихся в России на 1918 г., к 1941 г. не осталось ни одного действующего. Из 80000 храмов в России, бывших на начало революции, к 1941г. действующих осталось менее 100! Они назывались «показательными»; их уже не собирались закрывать. Остальные храмы, а также монастыри были частью просто взорваны или разрушены, частью обращены в клубы, кинотеатры, овощные хранилища, мастерские, заводские помещения, а частью просто брошены. Ограбленные, с зияющими дырами выбитых окон и дверей, они в этом случае превратились в отхожие места. В 1917 г. в России было примерно около 100 тысяч священно-церковно-служителей. К 1929 г. их осталось 35 тысяч, а к 1941 – не более нескольких сотен. С 1917 г. по 1941 г. было уничтожено так или иначе (убиты, пропали без вести 205 русских православных архиереев, митрополитов, архиепископов, епископов). В одном только 1937 г. погибло 59 архиереев. Более 30 иерархов, как мы помним, находились за границей. На свободе в России оставалось 20 епископов. Это те, кто полностью принимал «Декларацию» Сергия и при этом заслужил особое доверие большевиков.

Весь этот страшный погром Русской Церкви и Русского Православного Народа, не прекращавшийся с октября 1917 г., происходил и в 1927 г., и в 1928, и 1929 г.г., и с особенной силой – в 1930-е годы на глазах митрополита Сергия и группы церковных отщепенцев и предателей, собравшихся около него. Эти «новоявленные Иуды», таким образом, никого и ничего не спасли той линией поведения и отношения к антихристовой власти, какая была определена в «Декларации» 1927 г. Да они и не собирались и не мечтали никого и ничего спасти, кроме самих себя! Они были отобраны НКВД из числа таких есть прискорбное отречение от Самого господина Спасителя. Сей же грех, как свидетельствует слово Божие, не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели...».

Действительно, сразу после распространения по всем приходам России текста «Декларации» митрополит Сергий лично и члены его «управления» стали заявлять властям обо всех, не приемлющих этой «Декларации», и власти обрушивали на них всю ярость своих репрессий! Теперь уже не только по вине «обновленцев», но по вине сергианской «патриархии» полилась кровь множества новых мучеников – епископов, священников, монахов и мирян. А «патриархия» на весь мир утверждала, что в Советском Союзе нет никаких гонений на веру и верующих! А если советская власть осуждает кого-либо из верующих, то не за Веру, а только за политические преступления, за «антисоветскую деятельность». При этом «патриархия» не переставала «всенародно выражать благодарность Советскому Правительству за его внимание к нуждам православного населения, как это было сказано ещё в той же «Декларации»... Это была ещё и клевета на святых мучеников Христовых, значительная часть которых становилась мучениками именно по доносам «патриархии»...

«Внимание» же советской власти к нуждам православного населения выражалось так. В 1930 г. редактор «Правды» Б. Ярославский (Губельман) выступил со статьёй, в которой призывал «превратить пятилетку промышленного развития в пятилетку полного уничтожения религии». «Пятилетка» превратилась в «десятилетку». Из 1253 монастырей (вместе с подворьями, архиерейскими домами и скитами) имевшихся в России на 1918 г., к 1941 г. не осталось ни одного действующего. Из 80000 храмов в России, бывших на начало революции, к 1941 г. действующих осталось менее 100! Они назывались «показательными»; их уже не собирались закрывать. Остальные храмы, а также монастыри были частью просто взорваны или разрушены, частью обращены в клубы, кинотеатры, овощные хранилища, мастерские, заводские помещения, а частью просто брошены. Ограбленные, с зияющими дырами выбитых окон и дверей, они в этом случае превратились в отхожие места. В 1917 г. в России было примерно около 100 тысяч священно-церковно-служителей. К 1929 г. их осталось 35 тысяч, а к 1941 – не более нескольких сотен. С 1917 г. по 1941 г. было уничтожено так или иначе (убиты, пропали без вести) 205 русских православных архиереев, митрополитов, архиепископов, епископов). В одном только 1937 г. погибло 59 архиереев. Более 30 иерархов, как мы помним, находились за границей. На свободе в России оставалось 20 епископов. Это те, кто полностью принимал «Декларацию» Сергия и при этом заслужил особое доверие большевиков.

Весь этот страшный погром Русской Церкви и Русского Православного Народа, не прекращавшийся с октября 1917 г., происходил и в 1927 г., и в 1928, и 1929 г.г., и с особенной силой – в 1930-е годы на глазах митрополита Сергия и группы церковных отщепенцев и предателей, собравшихся около него. Эти «новоявленные Иуды», таким образом, никого и ничего не спасли той линией поведения и отношения к антихристовой власти, какая была определена в «Декларации» 1927 г. Да они и не собирались и не

мечтали никого и ничего спасти, кроме самих себя! Они были отобраны НКВД из числа таких именно людей, для которых принципиально никогда ничего не может быть выше личных интересов. Поэтому они охотно предавали своих же на расправу антихристу. Более того, они согласились стать одним из орудий большевицкого режима направленных на обман, на идейно-духовное разложение остатков Русского Народа. Ибо тогда, в те же годы (с 1917 по 1941) продолжалось, как мы уже отмечали, массовое уничтожение миллионов (десятков миллионов!) русских людей. По суду и без суда. За мнимые «провинности» и без всякой вины. Например – за то, что высказывали скорбь о закрытии своего храма, или имели в избе (в квартире) иконы и не понесли их сжигать, по призыву «воинствующих безбожников» (так называлась официально общественная организация атеистов) и т.д. Оставались и выживали только те, кто всячески одобряли и приветствовали все деяния сатанинской власти, или, по крайней мере, сидели так тихо, не возражая ни в чём, что их не замечали. Одновременно рождались люди, для которых большевицкий режим был естественным состоянием общества (другого они не видели). С самого детства их подвергали идейной обработке в нужном режиме направлении. И, если они при этом всё же оставались (хотя бы «в душе») верующими через семейное воспитание, Московская «патриархия» тут же проповедала им полное одобрение советской власти, как угодной Богу и даже осуществляющей на земле «идеалы» христианства! Не многие из них, повзрослев, могли разобраться в действительном положении вещей. Но об этом мы ещё будем говорить особо.

Так постепенно, но очень быстро настоящий Русский Народ уходил из жизни, из земной истории человечества, заменяясь народом новым, хотя ещё называвшимся по этническому происхождению «русским», но уже не являвшимся таковым по духу, по образу мышления и мировосприятия. Уходила из истории вместе с народом и настоящая Русская Православная Церковь в Советском Союзе, заменяясь лжецерковью, усердно создаваемой деятелями сергианского толка.

Совершенно естественно, что эти деятели сразу же учинили раскол Русской Православной Церкви. Он стал не менее, а даже более значительным по своим идейно-духовным последствиям, чем раскол старообрядчества в XVII в. Тогда, в 1927 г. подавляющее большинство русских архиереев, находившихся в Союзе, почти все архиереи, бывшие за границей и, за малым исключением, в целом весь верующий Русский Народ, ещё не убитый, не могли принять и не приняли «Декларации» митрополита Сергия и той новой линии отношений с сатанинской властью, какая из неё вытекала.

Во главе несогласных стояли все виднейшие русские архиереи: законный Местоблюститель Патриаршего Престола Митрополит Пётр (Полянский), кандидаты на этот пост, названные ещё Патриархом Тихоном, – Митрополиты Казанский Кирилл и Ярославский Агафангел, а также Митрополит Петроградский Иосиф. С их стороны и со стороны других епископов, священников, даже простых прихожан пошли протесты, мольбы, увещания Сергию отказаться от избранной им позиции. Томившиеся в страшном «Соловецком лагере особого назначения» (СЛОН) в бывшем Соловецком монастыре епископы и духовенство обратились к Сергию с особым соборным «Открытым письмом» 14/27 сентября 1927 г., разбиравшим его Послание (Декларацию) от 29 июля. В начале выражалось одобрение «самого факта обращения к Правительству с заявлением о лояльности Церкви в отношении к Советской власти во всём, что касается гражданского законодательства и управления». Отмечалось, что «подобные заверения неоднократно высказывались Церковью в лице Патриарха Тихона, выражалась приемлемость чисто политических положений «Декларации», а именно, – обязанность церковных деятелей подчиняться власти в мирских, гражданских отношениях, отказ их от участия в

политической борьбе против советской власти, вообще от всякой политической деятельности.

«Но мы не можем, – писали тут же Соловецкие узники, – принять и одобрить послание в его целом, по следующим соображениям». И следовали обозначенные по буквам пункты. В пункте «а» сразу указывалось на главную неправду («ваши радости – наши радости»), «что легко может быть понято в смысле полного сплетения Церкви и государства». «В задачу настоящего правительства входит искоренение религии, но успехи его в этом направлении Церковь не может признать своими успехами», – говорилось в письме. В пункте «б» обличалась «благодарность» сов. власти за «внимание к нуждам», как нечто похожее на «Сатирикон», не отвечающая достоинству Церкви и возбуждающая справедливое негодование в душах верующих людей. Назывались основные беззакония и глумления власти над Церковью и верой. Пункт «в» уличал «Декларацию» Сергия в явной лжи в той части, где она возлагает вину за столкновения Церкви и государства на Церковь, на контрреволюционные выступления клира, отмечая, что в тюрьмах томятся представители Церкви совсем не за политическую деятельность, а только за веру. И особо отмечалось, что «настоящей причиной борьбы служит задача искоренения религии, которую ставит себе правительство», его «принципиально отрицательное отношение» к Церкви. Наконец, пункт «г» разоблачал полную незаконность угрозы Сергия зарубежным епископам и самого принципа ставить пребывание людей в Церкви в зависимость от их политических взглядов, что противоречит в особенности постановлению Всероссийского Поместного Собора от 2/15 августа 1918 г., не допускающего никаких церковных кар за политическую деятельность и реабилитирующего всех, кто в прошлом был лишён сана за политические преступления, в частности – архиепископа Арсения (Мацеевича), пострадавшего от Екатерины II.

С осуждением «Декларации» Сергия, а также с осуждением его антиканонических действий по созданию своего «синода» выступили письменно многие. Обширное, подробное письмо Сергию написал 29 марта 1929 г. епископ Дамаскин, закончив его словами: «Если Вы не внемлете, не возвратитесь, то пойдёте Вашим уклоном дальше, но без нас» (без «подавляющего большинства иерархии», как он выразился). Митрополит Пётр также предложил Сергию «вернуться» на ту позицию, какую он занимал до «Декларации». Очень проникновенное, поистине братское письмо с обличением и увещанием пришло Сергию из-за границы от Владыки Антония (Храповицкого), бывшего учителем Сергия в академии... Письмо Митрополита Казанского Кирилла (Смирнова) от 2/15 мая 1929 г. не признавало обязательности каких-либо распоряжений «так называемого Патриаршего Синода» до тех пор, «пока митр. Сергий не уничтожит учрежденный им Синод». Позднее, в 1934 г. владыка Кирилл выразил чрезвычайной важности положение о том, что таинства, совершаемые сергианами, имеющими правильное рукоположение, могут быть спасительными лишь для тех, кто приступает к ним «в простоте», «не подозревая чего-либо неладного в сергианском устройении Церкви. Но в то же время они служат в суд и осуждение самим совершителям и тем, ... кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду и своим непотворением ей обнаруживает преступное равнодушие к поруганию Церкви». Поэтому православные епископы и священники не должны иметь «общения с сергианами в молитве. То же необходимо для мирян, сознательно относящихся ко всем подробностям церковной жизни».

Сергий и его «синод» не вняли никаким увещаниям и тем самым откололись от Русской Православной Церкви (и вообще от Церковной Полноты Православия) окончательно и безвозвратно, сделавшись «советской церковью», как это часто стали называть, а лучше сказать одной из организаций всемирной иудео-масонской

церкви дьявола. В таком положении находится по сей день то, что называется Московской «патриархией, кощунственно именующей себя также – «Русской Православной Церковью» (РПЦ). Главная функция этой еврейско-большевицкой подделки под Церковь – служить ловушкой для тех, кто хочет принадлежать к Русскому Православию. Однако эту функцию сергианская лжепатриархия начала исполнять не сразу! К тому было много причин, из коих одной из важнейших являлось то, что в конце 1920-х и в течение 1930-х годов ещё не был уничтожен в достаточной мере Русский верующий народ!

Ещё шла духовная борьба. Русская Зарубежная Церковь, естественно, прервала отношения с Сергием и его «синодом» после «Декларации» 1927 г. А после кончины Митрополита Петра в 1937 г. ей некого было и поминать в качестве законного Главы Церкви в Отечестве.

В России с приходом сотнями возвращались Сергию экземпляры его «Декларации», не принимаемой верующими. Возникло движение «непоминающих», т.е. духовенства и верующих, отказывающихся признавать Сергия главой Московской патриархии. Начала создаваться и так называемая «Катакомбная Церковь», состоявшая из тех истинно-православных русских людей, которые не приняли сергианского раскола и отступничества и, сохраняя себя в истине Божией, ушли в церковном отношении на нелегальное положение. С благословения виднейших архиереев и под их руководством сложились общины Истинно Православной Церкви (ИПЦ), хранившие исконное русское православие в неслыханном соединении с почитанием Православного Самодержавного Царства, как единственно законной власти Русского Народа. На них обрушивались особенно страшные преследования. Большевицкие власти вылавливали «катакомбников» где только можно, часто с помощью священников «патриархии», выпытывавших у своих прихожан о местах собраний катакомбников и доносивших об этом «органам». Попадавшие в лагеря члены ИПЦ, как правило, оттуда уже не выходили, получая там всё новые «сроки». Так, что сидели по 28–30 и более лет. Большинство в лагерях и погибли. Выжили редкие. К настоящему времени катакомбников осталось очень мало и они, увы, разобщены, т.к. в условиях глухого подполья и конспирации у них стали появляться сомнительные епископы, не имеющие ставленной грамоты, признаваемые одними катакомбниками и отрицаемые другими. Но в конце 20-х и в 30-х годах «отошедших» от легального положения было много! И голос их ещё доходил до народа.

Митрополит Сергей и его «синод» остались с ничтожной горсткой епископов и меньшинством верующих. Всех, несогласных с собой, Сергей объединил вместе с «обновленцами», продолжавшими ещё существовать как отдельная «церковь», и объявил таинства их недействительными, а их всех – «раскольниками». Заочно были им также осуждены и зарубежные русские архиереи. Но теперь, после 1927 г., все действия и решения сергианского «синода» уже не имели никакой канонической и духовно-таинственной силы.

Нужно заметить, что тогда к Сергию присоединились и некоторые искренние архиереи и священники, поверившие в то, что «Декларация» 1927 г. и вся Сергианская «линия» действительно имеют в виду спасение Церкви. Среди них были такие люди, как митрополит Серафим (Чичагов), знаменитый инициатор прославления преп. Серафима Саровского, и, как говорят, архиепископ Иларион (Троицкий) – деятельный помощник Патриарха Тихона, арестованный и посаженный ещё при жизни Патриарха. Но большевики хорошо умели распознавать и отличать таких искренне заблуждающихся от родственников себе по духу добровольных лжецов, и расправлялись с заблудшими, как и с противникам Сергия. Митрополит Серафим был расстрелян в 1938 г., архиепископ

Иларион так и умер в заключении, не выходя из него... Примерно то же самое происходило со многими епископами и священниками, принявшими «Декларацию» из страха. Большевики их тоже хорошо отличали от «сознательных» и во множестве отправили за решётку или расстреляли. Поиздевались и над «боязливými» и над «неверными».

Итак, уничтожая и почти уничтожив к 1941 г. Церковь настоящую, большевики сохранили «показательную» подделку под неё в виде «синода» во главе с митрополитом Сергием, названную также «Московской патриархией». Подвидом (под маской) Церкви Христовой, то есть служащей Христу, эта Московская «патриархия» обязалась служить, стала служить и теперь служит антихристу. Совершенно добровольно и сознательно. Но скрывает это от «масс» верующих под личиной православного уставного богослужения, духовных одежд, благоукрашенных храмов и иных внешних видимостей Православия.

Но вот вопрос: а возможен ли был какой-либо иной путь для легального существования действительно Православной Церкви в условиях богоборческого коммунистического режима в СССР? Вопрос этот был «ребром» поставлен одним из катакомбных епископов. Ответим: возможен. В том случае, если бы все законные епископы держались так же, как Патриарх Тихон, митрополит Вениамин и другие им подобные. Но с практической стороны это представляется почти нереальным, т.к. если не в лице Сергия, то в лице того же Алексия (Симанского) или ещё какого-нибудь отщепенца, каковых несколько всегда можно найти в церковной среде, большевики всё равно подыскали бы себе такую «каноническую» церковную власть, которая стала бы их антихристовым орудием, и тем самым получили как бы «законное» основание расправляться со всеми, кто не признает такой церковной власти, то есть с Церковью Русской Православной настоящей!

Тогда ещё вопрос: что же могло означать такое положение вещей с точки зрения Промысла Божия?

Ответ один: Всё это оказалось возможным только в Божественном предвидении того, что в России Православной Церкви больше не будет, поскольку в ней не будет и того народа, для которого она должна существовать!

Тогда, настоящая Русская Православная Церковь должна была сохраняться только вне пределов России, за границей, и лишь постольку, поскольку там должно было сохраниться и ещё сохраняется определённое количество настоящего Русского Православного Народа!

Вот одно из самых замечательных превращений (одна из метаморфоз) Великорусской истории последних времён!

http://rpczmoskva.org.ru/wp-content/uploads/lev_lebedev_velikorossija.htm.